

**РОМАН СТЕФАНА ХВИНА «ХАНЕМАН»
В КОНТЕКСТЕ ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЫ 1990-х гг.**

В 1990-е гг. в Польше, польском обществе, в польской культуре все кардинально меняется: приходит новый политический строй, появляется частная собственность, господствуют другие ценности, происходит коммерциализация издательской деятельности, меняются читательские вкусы. Все это не могло не отразиться на литературе. В художественном творчестве польских писателей обнаруживаются кризисные явления, возрастает роль так называемой массовой литературы, часть писателей увлекается постмодернистскими приемами, на смену политизированной литературе 1980-х гг. приходят книги, мало или почти совсем не связанные с политической, общественной жизнью страны.

И вместе с тем польская литература последнего десятилетия – это литература богатая, более, чем ранее, разнообразная по проблематике, ознаменовавшаяся приходом молодых талантливых писателей, плодотворно ищущих новые выразительные средства. Произведения польских мастеров слова 1990-х гг. и начала XXI в. активно переводятся во всем мире. На русском языке появились десятки и десятки книг польских авторов, написанных в эти годы. Журнал «Иностранная литература» посвящает современной польской литературе специальный номер (№ 8 за 2000 г.). В заметке «От редакции» сказано: «Польшу не относят к числу политических сверхдержав, однако ее литература сегодня – украшение мировой словесности. На литературном небосклоне нашей планеты польское созвездие одно из ярчайших» (с. 53). Здесь наряду с новыми произведениями писателей старшего поколения, нобелевских лауреатов Чеслава Милоша и Виславы Шимборской, а также Густава Херлинга-Грудзиньского, Тадеуша Ружевича, Славомира Мрожека, Станислава Лема, опубликованы произведения молодых авторов – Ольги Токарчук и Ежи Пильха.

Отдельными книгами вышли на русском языке многие произведения польских авторов среднего и молодого поколения – Стефана Хвина, Ольги Токарчук, Анджея Стасюка, Павла Хюлле, Мануэлы Гретковской, Катажины Грохоли, Анджея Сапковского, Ф. Байона, не говоря о десятке новых книг популярной у нас Иоанны Хмелевской. В журнале «Иностранная литература» опубликованы произведения Тадеуша Конвицкого, Анджея Щипёрского, Януша Гловацкого (если иметь в виду только прозу).

Отметим наиболее характерные особенности польской прозы 1990-х гг. и начала XXI в. Польские писатели более открыто, без замалчивания всей сложности рассматривают проблемы национальных отношений: поляки – немцы, немцы – евреи, поляки – евреи, поляки – русские, поляки – украинцы. Эта тенденция наметилась еще в конце 1980-х гг., когда появился роман Анджея Щипёрского «Начало, или Прекрасная пани Зайденман» (парижское издание – 1986, в 1987 г. – нелегальное издание в Польше, официальное – в 1990, русский перевод – 1998 г.). Появляются новые произведения о Холокосте (Хенрика Гринберга, Ханны Краль и др.)¹.

Представляется, что национальная проблематика «немцы – поляки», в частности на примере населения довоенного Данцига и послевоенного Гданьска особенно ярко и, главное, по-своему представлена в романе Стефана Хвина «Ханеман» (1995), о котором дальше пойдет речь. Следует согласиться с В. Я. Тихомировой, которая, давая краткую характеристику этого романа, отмечая сложившийся ранее отрицательный стереотип образа немца и новаторство Хвина, пишет: «Принятие иной оптики – с позиции пострадавших в войне “польских немцев” – можно считать одним из главных открытий литературы 1990-х годов, знаком ее обновления»².

По-новому прозвучала в литературе последнего десятилетия тема так называемой «малой родины» – как результат известной децентрализации, характерной в последние годы для многих областей жизни. Это Бохинь в одноименном произведении Тадеуша Конвицкого (1987), Гданьск у Стефана Хвина, деревня в Бескидах в «Галицийских рассказах» Анджея Стасюка (1995), придуманный Ольгой Токарчук Правек в ее романе «Правек и другие времена» (1996; сама писательница живет в небольшом городке Вальбжих под Вроцлавом), Сцеги у Магдалены Тулли в ее романе «В красном» (2000) и т. д. Писатели, обращаясь к теме «малой родины», как бы подчеркивают важность формирования личности в определенном пространстве, к тому же эти внешне замкнутые пространства, имеющие свои исторические корни, оказываются связанными со всей страной.

Еще одна особенность новой прозы: писатели уделяют большое внимание проблеме взросления, инициации (не случайно в критике возник термин «роман инициации»). Часто это автобиографическая про-

¹ См. об этом: *Тихомирова В. Я.* Польская проза о Второй мировой войне в социокультурном контексте Польши 1990-х годов // Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. Прерывность-непрерывность литературного процесса. М., 2002.

² *Тихомирова В. Я.* Польская проза о Второй мировой войне... С. 60.

за, продолжающая так называемый «роман воспитания», уже имеющий давнюю традицию. Молодые авторы в переломный момент истории, обращаясь к собственному детству, как бы погружаются в самих себя, в детстве и юношеском возрасте стремясь найти некие истоки формирования личности. Произведений на эту тему много, назовем наиболее известные: романы «Вайзер Давидек» Павла Хюлле (1987), «Полная амнезия» Изабелы Филипак (1995), «Э. Э.» Ольги Токарчук (1995), «Мадам» Антония Либеры (1998)³.

Разумеется, в польской литературе последнего десятилетия поднимаются и другие проблемы, в частности дегероизация – можно так сказать – «польского комплекса», ирония по поводу воспеваемого ранее польского эмигранта и польского патриота⁴, критическое отношение к недавнему прошлому, к жизни в ПНР. Очень характерна, особенно для прозы начала XXI в., так называемая женская тема (М. Гретковская, К Грохоля и др.). В целом, как уже было сказано, проблематика новейшей литературы очень богатая и разнообразная. Автор настоящей работы останавливается только на тех проблемах, которые составляют контекст романа Стефана Хвина.

Важная особенность художественной формы польской прозы последнего десятилетия – внимание к детали, реалиям, вещи и ее связи с судьбой человека, даже с эпохой⁵. В этом отношении одним из самых характерных примеров явился роман С. Хвина «Ханеман».

Разумеется многие произведения польских авторов рассматриваемого периода написаны с помощью постмодернистских приемов, что так характерно для многих литератур в наше время. С. Хвина и его романа «Ханеман» это касается в меньшей степени.

С. Хвин, прозаик, историк литературы, литературный критик, родился в 1949 г. в Гданьске, окончил полонистику в Гданьском университете, в 1970–1980-е опубликовал литературно-критические статьи, в 1993 г. вышла большая работа «Литература и предательство от “Конрада Валленрода” до “Малого Апокалипсиса”». Как прозаик выступил в 1980-е гг. Под псевдонимом Маркс-Ларс он опубликовал фантастиче-

³ См. подробнее об этом: *Адельгейм И. Е.* Поэтика польской прозы 1990-х годов // Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы... М., 2002. Автор статьи говорит о том, что возникла своеобразная «мода» на тему инициации.

⁴ См.: *Цыбенко О.* Гротескно-сатирическое изображение «польских комплексов» в произведениях Т. Конвицкого и Э. Редлинского 1990-х годов // Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы... М., 2002.

⁵ Этой теме посвящена специальная статья: *Адельгейм И. Е.* Краткий курс археологии памяти: предметный мир польской прозы 1990-х гг. // *Studia Polonossica: К 80-летию Е. З. Цыбенко.* М., 2003.

ские романы «Люди-скорпионы» (1985) и «Человек-буква» (1989). Приобрел известность его роман-эссе «Краткая история одной шутки» (1991). Самый большой успех писателя – роман «Ханеман». Он сразу привлек внимание читателей и критики, был признан лучшей польской книгой за 1995 г., получил награды нескольких польских фондов. Русский перевод появился сначала в журнале «Иностранная литература» (1997)⁶, потом вышел отдельным изданием (2003)⁷.

Роман высоко оценил С. Лем: «...Проза и в самом деле выдающаяся. Быть может, лучшая из всего, что появилось в последнее время... Хвин пронзительно изображает зловещую легкость, с которой можно уничтожить, разрушить, растоптать все человеческое»⁸.

Писатель обратился здесь к теме, которой до него касались очень немногие, и то только в 1980-е гг., – теме сложных национальных отношений, прежде всего поляков и немцев. Всю сложность, порой трагичность польско-немецких отношений автор изображает на очень показательном примере – судьбе жителей довоенного и военного Данцига и послевоенного Гданьска.

В одном из своих интервью писатель замечает по этому поводу: «В какой-то момент я понял, что гданьский опыт 50-х годов – это не мелкая проблема, только нужно уметь ее прочитать... После Ялты несколько миллионов людей вошли в бывшие немецкие квартиры, дословно чуть ли не в те же постели. А немцы в последний момент сбежали от солдат в шинелях болотного цвета. Это страшный опыт для той и другой стороны...»⁹. Далее автор «Ханемана» с большой откровенностью говорит о всей сложности внутринациональных отношений – наряду с польско-немецкими, которые изначально не могли быть простыми: «Тогда пульсировала не получившая ответа любовь к Западу, вероломному, но великолепному, настоящая почти эротическая склонность к США, их посылкам с подписью ЮНРРА, а также тоже скрываемая ненависть к красной России. Настоящая мешанина!»¹⁰.

⁶ Хвин С. Ханеман / Пер. К. Я. Старосельской // Иностранная литература. 1997. № 12.

⁷ Хвин С. Ханеман. Роман / Пер. К. Я. Старосельской. М., 2003. (Серия «Мастера. Современная проза») В дальнейшем цитаты даются по этому изданию, страница указывается в тексте статьи.

⁸ Лем С. Проза плотного течения // Иностранная литература. 1997. № 12. С. 24.

⁹ О «Hanemannie», tauromachii i trzech samobójstwach. Ze Stefanem Chwinem rozmawia Arkadiusz Bałajewski // Kresy. 1996. № 1. S. 116.

¹⁰ Ibid.

Известно, что Гданьск – это своего рода «малая родина» для писателя. В упоминаемом интервью С. Хвин рассказывает, что его бабушка Ванда Целинская, варшавянка родом из Полесья, после варшавского восстания 1944 г., когда власовцы подожгли ее квартиру, попала в Гданьск с дочерью, будущей мамой писателя. Отец оказался в Гданьске, убегая в последний момент из Вильно, занятого русскими. С. Хвин замечает по этому поводу: «Из его приключений 1939–1945 годов, когда судьба его бросала из литовских пущ к истокам Вислы, следовало определенно, что история имеет неприятную склонность забавляться играми с людьми, пространством и временем. Я уже с самого раннего детства не сумел ее полюбить»¹¹.

Читатель романа «Ханеман» убеждается в том, что писатель любит и понимает город, в котором он родился, вырос, основал семью, создает свои произведения и научные труды, стал профессором Гданьского университета, преподает студентам польскую литературу. Эта любовь к городу ощущается в каждой детали, почти в каждой строчке. В произведении мы находим десятки названий улиц (старых и новых), описания парков, собора, костелов, полосы моря, порта. Описывая повседневную жизнь предвоенного Данцига, автор замечает: «Никто из нас не чувствовал, что город медленно движется навстречу яркому зареву, шипящему огню, навстречу дыму от горящей смолы, пыли от раскрошенных кирпичей, навстречу обломкам расколотого камня, клочкам обуглившегося полотна... плавящейся меди». И дальше: «А когда, заслонив глаза от солнца, мы всматривались в далекий горизонт, перерезанный башнями костела Святой Екатерины, малой и большой ратуши, куполом синагоги и зубчатым контуром костела Святой Троицы, и видели затянутую дымкой темную полосу моря, тянущуюся от косы до обрыва Орлова, мы знали, что город будет стоять вечно» (с. 39).

Правда, в интервью Аркадиушу Баглаевскому писатель признается, что у него, а еще раньше у его родителей не сразу появилась любовь к городу, где им пришлось жить. Кроме самого факта, что это был типично немецкий город, «были причины не любить Гданьск и более интимного свойства, – признается писатель, – моя католическая впечатлительность гармонировала с барочно-золотым духом католического костела, а мы посещали костелы, перестроенные из протестантских... Отличался и “стиль жизни” – несколько легкомысленный – людей, приехавших из Волыни и Полесья, и суровая купеческо-

¹¹ О «Hanemann», *taumachii*... S. 117.

военная дисциплина местных жителей... И потом еще эта чуждость немецкой живописи»¹².

На вопрос журналиста о том, почему именно в Гданьске развиваются события, ведь история Ханемана могла произойти в любом другом городе, писатель ответил: «Вы правы – история с Ханеманом могла произойти и в другом месте. Но была бы она также “густа”? Я очень люблю, когда холод философской мысли облекается в прозу, которую можно “потрогать”, насыщенную красками пейзажа, теплую, чувствующую»¹³.

На фоне Гданьска, а вернее, в самой тесной связи с Городом рассказывается в романе Хвина история немецкого хирурга, Ханемана, волею судьбы оставшегося там и после войны. Главный герой романа, немец, изображается польским писателем с большой симпатией и глубоким проникновением в его психологию. Надо сказать, что в послевоенной польской литературе – это совсем редкий случай. В предыдущие годы сложился стереотип отрицательного образа немца. Это можно понять – трудно было забыть трагический опыт Второй мировой войны, жестокой немецко-фашистской оккупации, концлагерей в Освенциме, Майданеке и других польских городах – лагерей смерти, где сжигались в печах миллионы поляков, евреев, украинцев, русских и представителей других народов. Долгие годы человеческая память как бы не допускала мысли, что могли быть и другие немцы, мирные люди, не участвующие в войне, не одобрявшие фашистского режима. Известен факт, что Леон Кручковский, работая над пьесой о немецком профессоре Зонненбруке и его семье, стремясь раскрыть психологию ученого, думающего, что можно жить и работать «над политикой», не вникая в то, что происходит, хотел назвать свое произведение словами из поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» – «Немцы тоже люди», но не посмел этого сделать, так как боялся, что читатели его не поймут. В результате пьеса была опубликована в 1949 г. под названием «Немцы».

Произведение С. Хвина с положительным героем-немцем, произведение, в котором сочувственно рассказывается о драматической, а порой и трагической судьбе немецкого населения предвоенного Данцига, могло появиться в Польше только в 1990-е гг., в новых условиях, когда вообще рушились многие шаблоны и, казалось, устоявшиеся стереотипы.

¹² Ibid.

¹³ О «Hanemannie», tauromachii... S. 131.

В этом романе, как ни в каком другом произведении писателя, в судьбе главного героя переплетаются личное и историческое, личное и общественное.

Начинается роман несколько загадочно. Первая фраза – сразу конкретная и вместе с тем таинственная: «О том, что случилось четырнадцатого августа, я узнал много позже, но даже Мама не была уверена, что все произошло именно так, как рассказывали у Штайнов» (с. 5). Это «я» принадлежит повествователю, подростку Петру, родившемуся в Гданьске. Мать Петра после Варшавского восстания, когда у нее сожгли квартиру, вместе с мужем приезжает в Данциг, уже ставший Гданьском, в поисках жилья и работы. События же 14 августа развивались еще до войны, и мальчик о них мог знать только по рассказам. Далее следует повествование от третьего лица, но, начиная с 26 страницы романа, вновь возвращается к первому лицу, потом иногда прерывается авторским повествованием о событиях, которые мальчик мог и не наблюдать. Такая манера повествования не выглядит искусственной; автор легко переходит от первого лица к третьему, а присутствие первого лица придает повествованию особую убедительность и непосредственность.

Четырнадцатого августа, продолжая первую фразу романа, случилось вот что. Студенты анатомического института в Данциге ждали хирурга Ханемана, который, разрезая трупы, учил их анатомии. Сбросили простыню с лица девушки, которую час назад привезли в анатомичку. Все уже знали, что совсем недавно затонул прогулочный пароходик «Штерн». Ханеман, едва увидев лицо девушки, повернулся и, не снимая фартука, вышел из зала. В Институт он никогда больше не вернулся.

Уже после этого читатель узнает, что погибшей оказалась давно любимая Ханеманом Луиза Бергер. Далее автор романа тонко анализирует психологическое состояние своего героя сразу после этой трагедии и в течение многих лет потом. Глубокий психологический анализ – большое достоинство произведения. Роман можно определить как социально-психологический и одновременно философский, т. к. в нем художественно рассматриваются важные экзистенциальные проблемы.

Ханеман вспоминает, как он виделся с Луизой три дня назад. Она стояла у окна, поправляя себе прическу. В этот раз она проделывала это медленнее, чем обычно. Ему теперь стало казаться, что она почувствовала что-то страшное. «Он вдруг увидел беспредельное одиночество этого тела, которого легко касаются пальцы. Нет, то не был страх. То была уверенность, что она замкнулась в себе, что ему нико-

гда к ней не пробиться» (с. 20). Далее у автора появляется очень точно подмеченная психологическая деталь: Ханеману захотелось рассказать Луизе о своих размышлениях. Ей! До него вдруг дошло, что он хочет рассказать о случившемся с пароходом «Штерн» той, которой уже нет. «Сейчас Ханеман ощутил только острую боль от того, что ее больше нет... нигде. Ни слезинки. Только до боли сжатые челюсти и ком в горле» (с. 23).

После этого трагического события Ханеман весь ушел в себя. Он разбирал бумаги, расставлял книги на полках, пытался читать, но это не всегда удавалось: «Теперь, когда он сидел вот так у окна, а солнце спускалось на верхушки сосен и черных елей, в груди у него, казалось, разливается холодная пустота» (с. 108–109).

Когда советская армия приближалась к Данцигу, и уже начались обстрелы города с воздуха, и немецкие жители спешили покинуть город, у Ханемана была возможность уехать вместе с остальными немцами на судне «Бернхоф». Однако когда он ступил на помост, ведущий к буксиру, которым переправляли людей на судно, то в прибрежных камышах увидел остов небольшого суденышка, вспышка от взрыва осветила останки пароходика «Штерн», на котором несколько лет назад погибла его возлюбленная, «он почувствовал укол в сердце – ничего особенного, легкое прикосновение ледяной иголки, но от этого мимолетного холодного прикосновения в груди разлилась жаркая удушливая волна» (с. 59). К этому добавилась вспышка от снаряда. Ханеман потерял сознание. Так он остался в городе, который стал Гданьском, стал свидетелем того, как менялся город, как появились новые жители. Но в душе по-прежнему была пустота. Ханеман застыл «в своей полужизни, сковавшей душу и запретившей ей воспринимать голоса мира» (с. 115). Изменения в городе, казалось, его не коснулись. Вновь прибывшие в город казались ему совершенно чужими. Чтобы как-то существовать, он начал продавать вещи на рынке (столовые приборы, книги, немного серебра). Потом у Ханемана появились ученики, желающие лучше постичь немецкий язык, который преподавался в польских школах. Его учеником становится и подрастающий Петр.

Но это еще не вернуло Ханемана к жизни. И даже можно сказать, дружеские отношения с поселившейся в его доме семьей поляков не изменили ситуации. Ханеман по-прежнему замкнут в себе, молчалив, равнодушен ко всему.

Писатель наделяет своего героя памятью сердца, чувствительностью, умением любить и глубоко понимать чувство любви. Это проявилось прежде всего в реакции Ханемана на гибель любимой женщины, ко-

гда он на несколько лет как бы вычеркнул себя из жизни. Обращает на себя внимание и глава книги «Лес Гутенберга», в которой один из польских учеников Ханемана, Анджей, рассказывает, как тот читал ему вслух письма немецкого поэта-романтика Генриха Клейста к любимой женщине – Генриетте Фогель. Ханеман читал эти письма изменившимся, взволнованным голосом, как будто они имели к нему прямое отношение, он рассказывал о Клейсте, «как будто о ком-то хорошо ему знакомом, хотя говорил он о юноше и девушке, которых давно уже не было на свете» (с. 140). Ученик Ханемана понял, что это волнение его учителя от чтения писем, свидетельствующих об естественной чистоте сердца, которое по-настоящему жило, было как-то связано с давними событиями.

Настроение Ханемана радикально меняется, хотя и не сразу, только тогда, когда в семье Петра появляется молодая помощница, украинка Ханка, энергичная, вечно веселая (так, во всяком случае, казалось), бесконечно добрая, взявшая под свою опеку немого мальчишку-беспризорника, названного ею Адамом. Ханеман, знавший «азбуку», жесты немых, занимается с ней и Адамом. Но Ханеман как бы «просыпается» только после того, как Ханка пыталась уйти из жизни, отравив себя газом, а Ханеман ее спасает, и Ханка вместо благодарности, в порыве негодования – она хотела умереть! – ударяет Ханемана по лицу. Он стремится лучше ее узнать и понять, впервые ощутив ее женское обаяние. Ему снова стало интересно жить.

Можно заметить, что главный герой произведения постоянно называется только по фамилии. Другие персонажи-немцы имеют имена: ассистент Ханемана Мартин Рец, служитель Анатомического института Альфред Ротке, жильцы дома Ханемана – Эльза Вальман, ее муж Альфред и т. д. Можно предположить, что это придает главному герою черты универсальности, типичности. В лице этого своего героя писатель, возможно, хотел создать как бы обобщенный образ рядового мирного немца, не связанного с фашистским режимом.

К сказанному выше о Ханемане в этой связи важно добавить, что писатель действительно, не акцентируя этого специально, упоминает о некоторых фактах, свидетельствующих о том, что Ханеман критически относится к фашистской идеологии. Так один из персонажей романа, Франц Цимерман, которому удалось еще в 1937 г. уехать из Данцига в Швецию, рассказывает повествователю о том, что Ханеман однажды в присутствии некоторых официальных лиц «позволил себе несколько высказываний относительно массовых песнопений и факельных шествий, что прозвучало крайне неуместно» (с. 26). Цимерман вспомнил о том, что Ханеман «уже тогда водил сомнительные

знакомства», что его часто можно было видеть в доме, где собирались люди из газеты, издававшейся в Данциге немецкими социал-демократами, противниками Гитлера. Цимерман даже полагал, что Ханеман не сам ушел из Анатомического института по своим личным обстоятельствам, а что «его оттуда выставили» (с. 26). Об этих настроениях Ханемана знал и сотрудник официальных польских органов в Гданьске, вызвавший Ханемана на допрос по поводу его якобы связей с Западом. Вспомнив о довоенных знакомствах Ханемана, он их комментировал так: «Социал-демократия, конечно, не самый удачный выбор, но вам была по душе больше, чем коричневый цвет, да?» (с. 129)

Давая подобные факты, писатель как бы добавляет их к характеристике своего героя, видя в нем обобщенный, типичный во многом портрет рядового, мирного немца.

Правда, сам писатель не считал своего героя «настоящим» немцем. В своем разговоре с критиком А. Баглаевским он объясняет это тем, что Ханеман, «сформировавшийся под влиянием протестантской культуры, сталкивается с “теплом” религиозного чувства поляков». «Какой из него «настоящий» немец? – продолжает писатель. – Именно это его увлечение Клейстом выбрасывает его из главного течения немецкого духа! В духовном мире Ханемана нет ничего общего с культом силы, но нет ничего общего, например, с рациональной иронией Грасса. У него совсем другой мир, полный духовных опасностей, мир немецкого гамлетизма, слабости, нахождения между существованием и несуществованием»¹⁴.

Однако, как представляется, писатель не хочет видеть в своем герое олицетворение именно старого стереотипа образа немца, а наделение героя чисто индивидуальными чертами не противоречит его желанию создать обобщенный портрет.

С подобной теплотой и симпатией нарисованы мирные жители довоенного и военного Данцига, которым приходится бежать, покидать свои дома и квартиры, в которых они прожили десятки лет. Многие погибли во время обстрелов с земли и с воздуха. В этом отношении обращает на себя внимание глава «Фланель, полотно, шелк». Фрау Эльза Вальман с мужем – почтовым служащим, двумя дочерьми, еще девочками, Марией и Евой, готовятся покинуть Данциг. Дети не очень понимают ситуацию, играют на улице – не загнать их домой. Далее следует, можно сказать, пронзительная и точно обрисованная психологически сцена. Эльза Вальман начала собирать вещи и «прощаться»

¹⁴ О «Hanemannie», tauromachii... S. 128–129.

с теми, что остаются, ей захотелось остаться одной, ее раздражало даже присутствие мужа, и она попросила его выйти.

В левой части шкафа на темных фанерованных полках лежали белье и голубые полотенца, ниже – простыни и пододеяльники, еще ниже – аккуратно сложенные блузки, льняные, ситцевые и батистовые. «Госпожа Вальман со стиснутым горлом водила рукой между слоями прохладного белого полотна, тоненького цветастого ситца, мягкой фланели, легкого батиста, кончиками пальцев ощущая едва уловимые различия, которых прежде не замечала, но сейчас, присев на корточки перед нижней полкой, почувствовала, что даже с закрытыми глазами, по мягкости ткани, по шероховатости швов, по толщине ниток сумеет безошибочно распознать, какая блузка принадлежит Еве, а какая Марии. Госпожа Вальман, с трудом сдерживая слезы, погладила прогибающееся под ладонью полотно...» (с. 45).

Такие трогательные сборы в дорогу и такой трагический конец: никто не доехал, все погибли (чудом спасается ассистент Ханемана Рец, который из Западной Германии прислал ему письмо, где все подробно описал) – корабль с беженцами торпедировали советские подводные лодки. Писатель снова очень сочувственно описал сначала страшные минуты перед отплытием корабля – грохот взрывов, огонь пожаров, раненые, крики, поиски в обезумевшей толпе родных... «Мария и Ева прижались друг к дружке, – читаем в романе, – точно два дрожащих от холода воробушка. Только сейчас им стало по-настоящему страшно. Госпожа Вальман обняла дочек одной рукой, но что она могла сделать?» (с. 54)

Сильно написаны сцены, когда плывущие на корабле после того, как стало ясно, что корабль тонет, пытались спастись, прыгая за борт. Родители Евы и Марии столкнули девочек в воду. «Обе камнем ушли под воду и уже не вынырнули» (с. 122). Госпожа Вальман, которую толкнул с борта корабля муж, «тяжело ударилась о воду и уже не выплыла. Муж прыгнул за ней, но не смог доплыть до того места, где она скрылась под водой, потому что кругом разлились пятна горящего мазута» (с. 122).

В другой главе рассказывается, как на том же корабле погибла Стелла, сестра Луизы Бергер. Она тоже еще до отплытия корабля попала под обстрел. Те же унижение и страх, крики о помощи.

Кстати, надо сказать, что автор романа очень умело связывает сюжетные судьбы почти всех своих героев. Иногда они неожиданно перекликаются. На это обратили внимание уже первые критики, пишущие об этом романе. Так, А. Благаевский в своем уже упоминавшемся интервью с Хвином говорит: «Критики замечают, что во всех Ваших

книгах тщательно обдуманная композиция. Все элементы находятся там, где должны быть. Определенные мотивы, описания вещей возвращаются как бы на музыкальной основе»¹⁵.

Говоря о том, как сочувственно изображает писатель жизненную трагедию мирных жителей Данцига (а это, конечно, была трагедия, война есть война, она оборачивается трагедией для той и другой стороны), важно отметить, что писатель не идеализирует немцев. В романе есть эпизод, показывающий, что и мирные немцы могут быть жестокими и позволять себе варварские поступки. Однажды Ханеман заглянул в квартиру, где раньше жили Шульцы; там его поразил полный разгром: разбито зеркало в дубовой раме, сорваны портьеры с окон, разрезаны обои цвета чайной розы, валяются разбитые хрустальные стекла в горке, разорванные покрывала, испорченные подушки, опрокинутые вазы и т. д. Ханеман сначала подумал, что уже появились в городе новые жильцы-мародеры, но потом понял, что это мог сделать только сам хозяин квартиры. Но чего ради? Ханеман представил себе разговор Шульца с женой: «Неужели ты думаешь, что я смогу жить в доме (а многие немцы думали, что они скоро сюда вернутся. – *Е. Ц.*), где до меня жили эти восточные скоты? Да ты б сама не полезла в ванну, где перед тобой мылся польский хам со своей вшивой женой» (с. 66). Естественно, что Ханеман, как замечает автор, вышел из квартиры «попникший, содрогаюсь от омерзения» (с. 67).

Полякам, приехавшим в Город, писатель уделяет несколько меньше внимания. Более тщательно выписаны образы членов семьи, поселившейся в том же доме, где жил Ханеман. Кстати, автор в одной фразе дает понять, что этот дом, где жили Вальманы и теперь поселилась польская семья, до прихода новой власти принадлежал Ханеману. Имея некоторый скромный доход от дома, он мог не работать, оставив Институт, где служил много лет. Когда же дом был национализирован (об этом прямо не сказано, но понять можно), ему и пришлось идти торговать вещами на рынок. Сказано об этом мимоходом, как бы желая показать, что для Ханемана эта материальная сторона жизни вовсе не была существенна.

О польской семье читатель может судить уже по описанию обстоятельств их первой встречи с Ханеманом. Об этом рассказывает подросток Петр со слов Мама. Приехав в Гданьск, Отец и Мама выбрали для жилья квартиру в доме на Лессингштрассе 17 – теперь Гроттгера 17, как раз в доме Ханемана, а квартира раньше принадлежала Вальманам. Осматривая дом, услышали голоса, вошли в кварти-

¹⁵ О «Hanemannie», tauromachii... S. 126.

ру Ханемана, увидели, что двое мародеров-поляков угрожали Ханеману, его лицо побледнело. «Отец, стоя в дверях с кочергой в руке, подхваченный нарастающей волной мелкой дрожи, подавшийся вперед, готовый на все, бросил всего лишь одно слово: “Вон!”» (с. 88). Этот рассказ Мама оказал большое впечатление на мальчика: «Ах, Отец, каким же огромным ты стал, – размышляет Петр, – какая из тебя хлестала сила, когда ты бросил одно это слово – всякий раз, представляя эту сцену, я чувствую тепло в груди» (с. 88).

Пример Отца был как бы перед глазами, когда Петр бросился защищать немого Адама от обижавших его мальчишек.

Отношения у Ханемана и польской семьи сложились самые добрые. Об этом говорит и такая деталь: Мама, как участница Варшавского восстания, получала посылки от ЮНРРА с шоколадом и сигаретами, в бюро этой организации работал знакомый Мама по восстанию, «так что иногда удавалось раздобыть что-то и для Ханемана» (с. 104).

Подружился Ханеман и с поляком, который жил в Вольном городе и до войны. Пан Ю. раньше преподавал польский язык в Польской гимназии, за что и поплатился: его, как и других польских учителей, инженеров, врачей, немецкие власти отправили в один из концлагерей (Штутхоф). Теперь пан Ю. преподавал немецкий язык в одном из лицеев Гданьска. Он часто встречался с Ханеманом для обмена мыслями, они обсуждали прочитанные книги, события в городе, рассматривали фотографии. Их многое объединяло, в том числе и любовь к классической немецкой литературе.

Именно пан Ю. предупредил Ханемана и Ханку, что им необходимо срочно уехать из Гданьска. Ханемана уже вызывали в польские органы безопасности, провели допрос по поводу письма, полученного им из Западной Германии от его ассистента Реца. Напрасно Ханеман уверял, что это письмо имеет сугубо личный характер. Чиновник, допрашивающий Ханемана, был уверен, что у Ханемана существуют какие-то подозрительные связи с Западом, что там могли воспользоваться помощью Ханемана для враждебной деятельности в Польше. Подозрение вызвало даже то, что Ханеман свободно владел польским языком. Ханеман ответил на это, что он хорошо знает также французский. Этот разговор оставил неприятный осадок. Однако подозрительные новые власти, как об этом узнал от знакомых пан Ю., собирались арестовать Ханемана.

Оказалось также, что и на Ханку у комитета госбезопасности были какие-то компрометирующие материалы (очевидно, «нежелательные» связи в период Варшавского восстания). У нее, как у «неблагонадежной», хотели отобрать ее приемыша, немого Адама, который стал ей

дорог и тоже ее полюбил. Польская семья, уже подружившаяся с Ханеманом, сочувствующая Ханке, посоветовала им вместе с Адамом немедленно тайно уехать из Города. Дали адрес тетки Мамы во Вроцлаве. Роман и заканчивается их отъездом из Гданьска рано утром.

Эпизоды с допросом Ханемана в Гданьском комитете госбезопасности, подозрениями, касающимися Ханки, с решением отнять у нее приемного мальчика свидетельствуют о том, что писатель критически характеризует недавнее прошлое своей страны, имея в виду отношение тогдашней власти к человеку, атмосферу всеобщей подозрительности, репрессии и т. д.

В художественной ткани произведения возникает еще одна проблема, характерная для польской литературы 1990-х гг., – проблема инициации, взросления. В романе мы видим двух подростков – Петра и Адама. Петр, взросление которого происходило в послевоенном Гданьске, от Мамы слышал о Варшавском восстании, о справедливом гневе отца, когда он заступился за Ханемана, выгнав из его квартиры двух мародеров. «Я никогда не забуду этой минуты, – вспоминает Петр уже подростком рассказ Мамы, – этой чудесной светлой минуты, когда ты стоял на пороге комнаты Ханемана, и уши у тебя пылали рубиновым пламенем, минуты, которая должна бы длиться вечно, – жажда, охватившая мою душу, была неутолима. Потому что, когда ты стоял так в белых раздвижных дверях, – подавшийся вперед, готовый на все, – к миру возвращалась красота, и хотелось жить, ох как хотелось жить» (с. 89).

Петр наблюдал события, связанные с попыткой самоубийства Ханки, размышлял над тем, как она приехала из больницы, думая, что все о ее поступке знают и будут ее жалеть, поэтому она вернулась с нарочито высоко поднятой головой. Петр подружился с Адамом, узнал, что могут быть бездомные и одинокие. После того, как Адам отказался ответить, кто он и откуда, а потом закрылся одеялом и, очевидно, сотрясаясь от рыданий, Петр не мог уснуть. Он научился сопереживать. Провожая на вокзал Ханемана, Ханку и Адама, Петр просто не представлял себе, как будет жить дальше без них. Ханка просит его не забывать их: «Забывать? Ее? Ханку? Адама? И этого высокого мужчину, который жил над ними? Да ведь на улице Гроттгера в один миг сделалось пусто. Как это без них? Без них? Разве такое возможно?» (с. 274). В этих словах и свидетельство дружбы, связавшей польского юношу и немца Ханемана, и свидетельство взросления Петра в нелегких условиях жизни в Гданьске.

И в изображении немого подростка Адама, беспризорного, не знающего своих родителей, детство которого прошло в скитаниях по во-

кзалам, ночевавшего в развалинах старых немецких казематов, также прослеживается эволюция характера. Попав к приютившей его Ханке, а вместе с нею в семью Петра, научившись с помощью Ханемана языку жестов, он, одичавший от одиночества, как бы «очеловечивается», душа его теплеет. Понимая, что и Ханка, и семья Петра, и Ханеман его любят, он и сам всей душой привязывается к ним, не хочет расставаться с Ханкой и соглашается вместе с ней уехать в другой город. Это тоже своеобразный вариант взросления.

И третья история подростка. Шестнадцатилетний ученик Ханемана Анджей, слушавший, как его учитель взволнованным голосом читает в оригинале письма поэта Клейста к его возлюбленной, переживает содержание писем как большое личное потрясение: слова писем как бы проникали в его душу. «Была в этих словах взрослость, о которой я мечтал, – вспоминает Анджей, – ...многое было созвучно тому, что я сам испытывал, но старался подавить, как проявление недостойной мужчины слабости... Любовь, ненависть, надежда – все эти чувства, до крайности смятенные, пугающие своей хаотичностью, в голосе незнакомого поэта обретали могучую, кристально чистую красоту... Я тогда вместе с поэтом испытывал нечто сложное и туманное: безумную разнузданность желаний, любовь, трепет, жажду мгновенной смерти...» (с. 138). Ханеман рассказал своему ученику о том, что юноша и девушка, написавшие эти прекрасные, безумные письма, затем вместе покончили с собой на берегу светлого озера. Услышанные Анджеем письма как бы сразу сделали его взрослым, он научился лучше понимать самого себя. Теперь, просыпаясь утром от звона будильника, он вдруг ощущал ток горячей крови, а новый день обещал, что он снова увидит Анну, которую встречал на школьной лестнице: «Возможно, все будет так, как я хочу, что будет больно, сладко, мучительно, вечно...» (с. 143).

Судьбам людей в романе сопутствует мир вещей. Распространенное в польской прозе 1990-х гг. внимание к детали, вещи, пожалуй, наиболее характерно для романа Хвина «Ханеман». Вот как об этом рассказывает сам писатель в одном из интервью: «Часть критиков поверили в то, что я являюсь каким-то фанатиком детали, предмета, ощутимо конкретной вещи. Я не скрываю того, что у меня отношение к предмету похоже на культ, я восхищен, прежде всего, чудом сохранности вещей в огне истории. Однако описание предмета у меня никогда не является главной целью. Биографию вещей я всегда вплетаю в био-

графию людей»¹⁶. Далее Хвин раскрывает функцию предмета в своем творчестве: «В моей прозе предмет всегда выступает как след человеческой руки, след труда человека. Исчезновение предмета – это как бы посмертное уничтожение его творца, как бы вторая смерть человека. В мире предметов я вижу заслон, которым мы ограждаемся от небытия. Особенно меня интересуют домашние предметы, которые выражают нашу духовную расточительность»¹⁷.

В тексте «Ханемана» описание предметов, вещей в разных жизненных ситуациях героев занимает очень большое место. Если к ним присоединить описания улиц и площадей Данцига-Гданьска (с обязательным упоминанием старых и новых названий), то можно сказать, что эти описания занимают не менее одной четверти текста произведения. Предметам посвящены целые главы романа, о чем говорят уже их названия: «Вещи», «Фланель, полотно, шелк», «Лаванда», «Вытачки, шелк, перламутровые пуговицы». Целиком вещам посвящена глава, название которой «Аристократия: былое и крах» (с. 170–178), казалось бы, этого не предполагает.

А в главе «Вещи» предметы не просто описываются, они как бы ожидают и даже ведут между собой молчаливый диалог. Сначала характерное для повествования описание: «В ящиках, шкафах и буфетах, на дне сундуков, жестяных коробок и кофров, в чуланах и на чердаках, на полках и этажерках, в погребах, в кладовках, на столах и на подоконниках вещи, которые хранились на всякий случай, и вещи, которые с привычным рвением использовали для шитья, прибивания, кройки, полировки, резки, чистки овощей и писания писем...» (с. 32) и дальше совершенно неожиданно: «все эти вещи уже собирались в путь» (с. 33). Далее мы узнаем, что в квартирах, которые покидали немецкие жители Данцига, отбиравшие, что из вещей необходимо взять с собой, «вершился страшный суд»: «Вещи, без которых нельзя жить, отмежевывались от тех, которые обречены на погибель. Белые кувшинчики и вазы в форме лебедей и пеликанов, изящные серебряные сахарницы в форме гибких уток с бирюзовыми глазками, вазы-лодочки для грушевого варенья – все эти предметы, сокрушаясь по поводу своей затейливой и неудобной формы, завидовали строгой простоте подносов, которые ничего не стоит засунуть под половицы...» (с. 33); «только мелкие предметы, которые легко прихватить с собой в минуту бегства, набирались презрительной самоуверенности... жестяные тарелки, много лет томившиеся в ссылке в дальнем

¹⁶ О «Hanemann», tauromachii... S. 126

¹⁷ Ibid.

углу кухни, скрипуче позвякивая, издевались... над майсенским фарфором, который из-за хрустальных стекол буфета отвечал на оскорбления высокомерным сверканием золота и кобальта» (с. 37–38) и т. д., и т. д.

Вещи в романе могут свидетельствовать о горестных поворотах в жизни людей. Отец и Мама повествователя привезли с собой из только что освобожденной Варшавы в Гданьск очень скромные вещи, которым посчастливилось уцелеть. Когда Мама принялась вынимать вещи из рюкзака, «Отец даже отвернулся, чтобы не смотреть на это осторожное, бережное раскладывание вещей: толстый свитер еще с Восстания, лыжные штаны, которые ей дал пан З., когда украинцы входили на Жолибож, алюминиевая кружка от тети Хели с Кошиковой, бутылка с фарфоровой пробкой, две ложки, нож («Герлах» – подарок монахинь из Шиманова), рубашка Отца от ЮНРРА...» (с. 97).

Предмет может быть посредником между людьми, напоминанием о другом человеке. В романе таких примеров очень много. Переживания от встречи с предметами, воскрешающими память о том, кого уже нет, естественно испытывал и сам писатель. В уже упоминавшемся в настоящей работе интервью С.Хвин на вопрос, связана ли попытка самоубийства Ханки с каким-то конкретным случаем в его жизни, рассказав о том, что подобная история случилась с девушкой, работавшей у его родителей в Гданьске, вспоминает: «На этой кухне я каждый день пил чай из фарфоровой чашки, которую и она держала в руках. Это очень важный топос моего воображения – такие домашние истории предметов – переход тарелок, блюдец, чашек, ножей и ложек из рук в руки, соединение людей над временем, через державшиеся в руках предметы, как бы ощущение присутствия тех, которых уже нет»¹⁸.

Заслуживает упоминания наблюдение польского критика Анны Легезинской о том, что мир вещей в романе «Ханеман» имеет два аспекта: культурологический и метафизический. С одной стороны, предметы отражают картину прошлого, они показывают особенности культуры, которая их создала, ее индивидуальные черты и вечные ценности. А с другой, замечает критик, «это мир хрупкий и безоружный, а его красота только внешне отражает тайну существования... Вещь сообщает только половину правды. Другая сторона – это судьба человека, управляемого слепыми силами истории»¹⁹.

¹⁸ О «Hanemannie», *tauromachii*... S.130.

¹⁹ *Legeżyńska A. Inny Niemiec, inny Gdańsk // Polonistyka. 1996. № 16. S. 691.*

Действительно, в романе Хвина мы видим, как предметы погибают в пожарах, после катастроф существуют уже иначе, «античная» мебель теряет свой блеск, подчас они и вообще исчезают. «Вещи умирали незаметно, как дворовые коты, не оставляя следа. Высокие хрустальные вазы появлялись торжественно, вносимые в комнату в белой оберточной бумаге, овеванные приподнятым духом дня рождения или именин, но когда они исчезали?..» (с. 172). Хрупкость существования вещей как бы подчеркивает эту ненадежность, хрупкость и судьбы человека.

Некоторые современные исследователи готовы видеть в этом внимании к вещи, предмету элементы сюрреализма. Так, В. Я. Тихомирова, говоря о тщательно выписанных предметах в польской прозе последних лет, в том числе и у Хвина, замечает: «По своей точности и подробности они порой выходят за рамки материальной действительности и становятся – возможно, вопреки авторским намерениям – сюрреалистическими»²⁰. Как представляется, по отношению к прозе Хвина это абсолютно несправедливо. В данном случае права Ирина Адельгейм, которая, отметив разнонаправленные поиски современных польских авторов, их увлечение разного рода экспериментами в области художественной формы, справедливо замечает: «В этой ситуации вещь естественно возвращает литературе реалистическое измерение... Она вызывает интерес к окружению человека... человек перестает существовать в вакууме. Вместе с вещью в прозу неизбежно, но по-новому, чем в эпоху ПНР, возвращается история – общественная и политическая, эстетическая и этическая»²¹.

В романе Хвина поднимаются философские, экзистенциальные проблемы, тема соприкосновения жизни со смертью, размышления над которой Станислав Лем назвал «психологической эсхатологией»²².

С этими проблемами связана и история главного героя. Сам писатель так говорит в беседе с журналистом: «Одна из мыслей в романе – мысль о том, как изменчиво наше чувство несуществования. Бывают такие минуты, когда физически мы существуем для других, но внутри себя ощущаем как бы совершенно отсутствующими. Это связано с ослаблением воли к жизни. Ханеман именно так подчас ощущает свое существование»²³.

²⁰ Тихомирова В. Я. Польская проза о Второй мировой войне... С. 46.

²¹ Адельгейм И. Е. Краткий курс археологии памяти... С. 520.

²² Лем С. Проза плотного течения. С. 25.

²³ О «Hanemannie», tauromachii... S. 127.

В тексте романа мы находим описание двух самоубийств, а также одну попытку добровольно уйти из жизни (Ханка).

Первое – это совместное самоубийство немецкого поэта-романтика Генриха фон Клейста и его возлюбленной Генриетты Фогель на берегу озера Ванзее в 1811 г. Сначала мы знакомимся с письмами поэта Генриетте, потом с деталями самой истории, записанные Штиммингом, владельцем постоялого двора близ Потсдама, где остановились Клейст и его подруга. Под пером писателя это история романтическая, полная драматической поэзии, это не вынужденное действие (Генриетта замужем), не просто романтический жест, но, по словам критика Ярослава Клейноцкого, – «парадоксальное счастье, поскольку в акте совместной смерти они могут остаться навсегда вместе, бросая таким образом вызов жестокому миру»²⁴.

Писатель, как он сам признается, хотел показать, что Ханеман, которого история самоубийства Клейста и Генриетты увлекла «темной краской любви», который часто размышлял о немецком поэте, упрекает себя в том, что он не был способен к тому, что они сделали с собой на берегу озера Ванзее. При этом, характеризуя своего героя, писатель неожиданно добавил: «...но это очень загадочная фигура, о которой я всего не знаю»²⁵.

Вторая, похожая на рассказанную, – история самоубийства известного польского писателя и художника Станислава Игнация Виткевича (Виткацы), который решился на него 18 сентября 1939 г. в день ввода советских войск на территорию Польши. Вместе с ним хотела умереть любимая женщина, но Виткацы пожалел ее, и она неожиданно для себя осталась жива, а потом всю жизнь упрекала любимого за то, что он «не взял ее с собой».

Историю самоубийства Виткацы рассказывает Ханеману его польский знакомый пан Ю., который встречался с оставшейся в живых подругой Виткацы и от нее лично слышал, как все произошло.

Трагические размышления автора романа над существованием и несуществованием привели некоторых критиков к заключению, что эти размышления и есть главное в произведении. Один из них назвал роман «плачем, посвященным бренности всего сущего». Стекло знало, рассуждает критик, что от него останутся тысячи искр, все вещи тонут, точно пух в огне, астры – «кто же мог поверить, что через не-

²⁴ *Klejnocki J. Zagłada i zmartwychwstanie // Polityka. 1995. № 45 (11 listopada). S. 46.*

²⁵ О «Hanemannie», tauromachii... S. 129.

сколько недель от этих цветов и листьев останется только дым от костра, гаснущего в саду»²⁶.

Другой критик, также склонный воспринять роман Хвина как произведение скорее пессимистическое, в этом ключе истолкован и его концовка: «Неизвестно еще, как сложится дальше судьба Ханемана. Мы знаем только, что он уехал вместе с Адамом и Ханкой. Едут к тете в Теплицах? А, может быть, они погибнут в неопределенном пространстве?»²⁷

Однако приведенные примеры – это, пожалуй, исключение. Большинство критиков подчеркивает все же оптимистическое звучание произведения – несмотря на всю драматичность описываемых событий. Так Ярослав Клейноцкий видит в романе Хвина «притчу о бесконечном процессе гибели и воскресения». «Несомненно, – пишет он, – это рассказ о смерти города и смерти людей, но это и история нового возрождения мира, возникновения жизни на развалинах. В покинутый немцами Гданьск приезжают новые жители, несмело поселяясь в пустых домах, принимая во владение старые вещи, реанимируя гигантский организм человеческого сообщества»²⁸.

Рассматривая роман Хвина в контексте польской литературы 1990-х гг., критики отмечают, что произведение вполне вписывается в общую атмосферу, проблематику и поэтику прозы этих лет, однако вместе с тем подчеркивают и особое место романа, особое прежде всего по своему художественному уровню, непохожести главного героя на персонажей многих модных книг, по наличию ясной фабулы, прекрасному языку. «У нас уже давно не было моды на отличное повествование вокруг выразительно нарисованных историй», – пишет Анна Легежинская в рецензии на роман Хвина²⁹. «Книга написана прекрасным языком, которого напрасно искать у авторов “Белого ворона”, “Карт Таро в Париже” и других модных, по мнению нашей критики, книг», – читаем в рецензии на «Ханемана» Малгожаты Громадзинской³⁰.

Что касается главного героя в книге Хвина, то вот как пишет о нем Лана Легежинская: «Главный герой романа Стефана Хвина – одна из

²⁶ Orski M. W tonacji trenu // Odra. 1996. № 3. S. 114.

²⁷ Franaszak A. Milczenie z wnętrza rozpaczy. Zapiski na marginesie «Hanemanna» // NaGłos. 1996. № 23. S. 234.

²⁸ Klejnocki J. Zagłada i zmartwychwsta. S. 46.

²⁹ Legeżyńska A. Inny Niemiec, inny Gdańsk. S. 690.

³⁰ Gromadzińska M. «Hanemann» S. Chwina // Życie i Myśl. 1996. № 3. S. 86.

Имеются в виду романы Анджея Стасюка и Мануэлы Гретковской.

наиболее нетипичных литературных фигур последних лет. Он появился неожиданно в многолюдной толпе польских романов: беспокойных подростков, женщин-богомолок, тюремных аутсайдеров, горских смертников или молодых мужчин, ищущих детской аркадии, – на этом фоне он выглядит чужаком, который ошибся во времени и образцах моды»³¹.

Выше в настоящей статье говорилось о теме «малой родины» в романе Хвина, теме, часто встречающейся в других произведениях польских писателей 1990-х гг. Ежи Яжембский пишет по этому поводу в рецензии на роман Хвина: «Для всех, кто пишет о малой родине – будь то гданьский роман, закопанское пограничье, силезское пограничье и т. д., автор этой книги поднимает планку так высоко, что ее нелегко перескочить»³². Тот же критик приходит к выводу: «Я не сомневаюсь, что роман Хвина – это одна из лучших книг последних лет, – мудрая, богатая по содержанию, избегающая моральных наставлений, умно дозирующая поэтичность и прозу жизни, а пафос истории подправляющая автоиронией»³³.

В том же духе пишет в журнале «Твурчость» Дариуш Новацкий: «Я не сомневаюсь, что “Ханеман” – это одна из важнейших книг прозы последнего времени»³⁴.

³¹ Legeżyńska A. Inny Niemiec, inny Gdańsk. S. 690.

³² Jarzębski J. Hanemann i samobójcy // *Znak*. 1995. № 12. S. 203.

³³ Jarzębski J. Ibid. S. 202.

³⁴ Nowacki D. «Hanemann» St. Chwina // *Twórczość*. 1996. № 3. S. 110.